

А.М. Сунгурский

ПРОДАНО ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

А.М. Сунгурский

Продано под чужим именем

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Продано под чужим именем / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Картины Марты Кленовой наконец покупают. У неё появилась просторная мастерская, деньги на краски и возможность работать. Правда, на полотнах стоит другое имя: Стефан Роэн. Художника с такой биографией никогда не существовало — Марта придумала его вместе с хозяйкой галереи Адой. Пока покупателям хватало картин и писем от его имени, договорённость устраивала обеих. Но на открытии выставки к гостям выходит мужчина, которого Ада представляет как Роэна. Он принимает поздравления за работы Марты, а ей самой оставляет роль помощницы. Среди знакомых полотен она замечает картины, которых не писала. Галерея предлагает Марте место ведущего художника «мастерской Роэна» и деньги — если она согласится называться участницей чужого замысла. Покупатели хотят знать, кто писал им письма. А рядом с её полотнами продают работы других художников, и им тоже есть что терять. Чтобы остановить обман, Марте придётся рассказать, с чего он начался. В том числе — с её собственного согласия.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустые ящики	5
Глава 2. В присутствии автора	11
Глава 3. Хорошая биография	17
Глава 4. Чужая кисть	23
Глава 5. Цена тишины	27
Глава 6. Голос из трубки	32
Глава 7. Окно во двор	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

А.М. Сунгурский

Продано под чужим именем

Глава 1. Пустые ящики

В списке приглашённых Марты не оказалось. В списке людей, которым разрешалось пользоваться грузовым входом, она была.

— Кленова, — повторила она.

Девушка за стойкой провела пальцем по экрану, потом по второму экрану, будто на нём фамилия могла выглядеть иначе.

— Монтаж?

— Художник.

— То есть монтаж.

Марта могла объяснить. До открытия оставалось четыре часа, у стойки лежали нераспечатанные каталоги, охранник ел грушу, отворачиваясь от посетителей. Ничего непоправимого ещё не произошло. Она посмотрела на кончик своего пальца: под ногтем сохранился серый ободок. Утром она трижды мыла руки.

— Да, — сказала Марта. — Монтаж.

Ей выдали бумажную наклейку. На ней было напечатано «ПОДРЯДЧИК».

Восемнадцать месяцев назад она не отказалась бы и от этого слова, лишь бы попасть в зал с собственными работами. Теперь приклеила наклейку к сумке.

Галерея «Третий свет» занимала первый этаж бывшего конструкторского бюро. От прежних жильцов осталась тяжёлая лестница за стеклянной дверью и табличка «Чертёжная», которую Ада велела сохранить. В каталогах писали о памяти пространства. За дверью хранились швабры.

Из дальнего зала слышался тонкий повторяющийся удар. Инга Тур вынимала из стены крючок, просовывая под головку молотка сложенный картон.

— Не трогай, — сказала Марта. — Там хорошо висело.

— Это не твоё «хорошо». Это Адино «на три сантиметра левее».

Инга спрыгнула с нижней ступеньки стремянки. У неё на поясе висел маленький шуруп-повёрт, очки держались на затылке поверх коротких волос.

— Ты в чёрном. Поздравляю, дослужилась.

Марта купила платье специально для вечера. Оно не подходило для холода и плохо переносило сумку через плечо, зато не требовало объяснять, сколько ей лет.

— Я сначала хотела в рабочем.

— И правильно передумала. Все бы решили, что у нас течёт потолок.

Инга снова посмотрела на стену.

— Вечером помоги унести ящики. Мне надо к девяти на другой монтаж.

— Помогу.

Марта собиралась задержаться после открытия и выпить с Адой. Они обещали себе это ещё в июне, когда выставку перенесли в первый раз. Можно было и сначала вынести ящики.

На дальней стене висела «Ночная примерка». Марта узнала её прежде, чем увидела всю: по длинному белому следу в зеркале. На картине были пустая кабинка магазина и две шторы, одна сдвинутая, другая прилипшая к стене. Покупательница сначала просила сделать отражение теплее. Ада тогда сказала: «Мы подумаем», а после её ухода — «Ничего не меняй».

Марта не изменила. Это был один из тех случаев, за которые она любила Аду.

Она подошла ближе. В галерейном свете занавеска оказалась чуть лиловее, чем в мастерской. Хорошо. Там, где отражение уходило за раму, глаз на мгновение терялся, а потом находил пустой крючок. Марта потратила на этот переход четыре дня.

Под полотном стояла карточка.

СТЕФАН РОЭН.

НОЧНАЯ ПРИМЕРКА.

ХОЛСТ, МАСЛО.

ЧАСТНОЕ СОБРАНИЕ.

Ей уже не хотелось поправить первое имя. Она привыкла мысленно произносить его вслед за названием, как привыкают к чужому голосу в навигаторе.

— Валентина придёт? — спросила она.

— Хозяйка картины? Кажется.

— Мы её давно не видели.

— Ты не видела. Мне она сорок минут объясняла, как упаковывать угол. Очень хороший угол. Жалко будет, если с ним что-нибудь случится.

Инга постучала по краю своей стремянки и ушла в боковой зал.

Марта осталась перед картиной. Ей хотелось увидеть здесь кого-нибудь постороннего, ещё не знающего цену. Человека, который остановится сам. Не потому, что Ада возьмёт его за локоть или под карточкой появится красная точка.

Первая её выставка проходила в кафе, где к стене с работами были придвинуты два холодильника. Изображение синего подъезда продали вместе с рамой за одиннадцать тысяч. Покупатель попросил написать сзади поздравление жене.

На стенах висело тринадцать полотен. Девять — её. Пять из этих девяти одолжили владельцы, четыре ещё предстояло продать.

Ещё одно непроданное полотно, «Боковое стекло», осталось в хранении: в развеску его не взяли.

Марта остановилась.

Она пересчитала стены ещё раз.

В утверждённой развеске было девять картин.

У окна висела узкая работа с лестницей. На противоположной стене — белое кресло под электрическим светом. Дальше, в проходе между залами, виднелось изображение двора. У четвёртого полотна ещё стояла стремянка, загораживая нижнюю часть.

Ничего из этого Марта не писала.

Она достала телефон. От Ады пришли два сообщения: «Не забудь хорошее настроение» и «У тебя есть тонкий чёрный маркер?». На утренний вопрос о каталоге та не ответила.

Марта набрала её.

— Ты уже там? — спросила Ада. — Как свет?

— Что за четыре работы?

На другом конце что-то звякнуло.

— Какие?

— Ада.

— Я подъезжаю. Десять минут.

— Здесь четыре картины с подписью Роэна, которых я не видела.

— Я сказала: десять минут.

Она не положила трубку сразу. Марта услышала, как Ада назвала водителю вход, потом связь оборвалась.

В галерее работали обогреватели. Ещё утром Марта жалела, что выбрала такое лёгкое платье, а теперь почувствовала пот на спине.

Она подошла к лестнице у окна. На нижней ступеньке было светлое пятно, похожее на брошенную перчатку. Нет, не перчатку: краска лежала слишком плоско. Просто освещённый участок. Работа была аккуратная, хорошо организованная и совершенно ей чужая. Если бы попросили, она сумела бы написать такую. Именно поэтому не написала бы.

Подпись в правом нижнем углу повторяла наклон её букв.

Марта присела. Один посетитель мог пробыть перед картиной полчаса и не заметить подписи. Она заметила сразу: у буквы «Р» неверно соединялся полукруг с ножкой. Но она и сама подписывала по-разному, иногда тонкой кистью, иногда почти сухим концом. Этого различия не хватило бы даже для уверенной ссоры.

— Инга!

— Не кричи, здесь всё слышно.

— Кто привёз это?

— Вчерашняя машина. Из хранения.

— Из какого?

Инга вернулась и посмотрела на неё внимательнее.

— Ада дала адрес. Я не получала, только вскрывала упаковку. Что?

— Ничего.

— Тогда не стой на проводе.

Марта отступила. Белый удлинитель уходил от её каблука к прожектору.

— Картина тебе не нравится? — спросила Инга.

— Нравится — не нравится. Дело не в этом.

— Обычно дело именно в этом.

На картине со двором была показана не центральная площадка, а длинная полоса между стеной и мусорными контейнерами. Кто-то прислонил к кирпичу щит с остатком рекламной надписи. Из-за щита вырастала жёлтая трава. В окне наверху отражалось другое окно, и от этого тесный двор словно продолжался там, куда нельзя было попасть.

Марта ощутила неприятное движение в животе.

Эта картина была хороша.

Не тем отвлечённым образом, которым хорошей называют добросовестную работу знакомого. Она заставляла смотреть. В грубом сером пятне оставалось достаточно воздуха, чтобы глаз вернулся к траве. Изображённый щит был слегка завален; выровняй его, и всё развалилось бы.

Внизу стояло: «С. Роэн».

Марта потянулась к карточке и развернула её. С обратной стороны ничего не было.

* * *

Ада приехала через двадцать три минуты. В одной руке несла большой бумажный пакет, другой придерживала телефон у уха.

— Да, лично. Сегодня. Нет, я бы не стала так писать... Разумеется, можно сказать: событие исключительное.

Она закончила разговор и поцеловала Марту в щёку.

— Платье замечательное.

— Кто их написал?

— Давай не здесь.

В кабинете было тесно от цветов. Ада ставила все букеты на один низкий стол, где они мешали друг другу, но выбросить упаковку до прихода отправителей не решалась. На подоконнике лежали старые ценники. Марта прочитала один вверх ногами: «420 000».

— Это вещи из другого периода, — сказала Ада.

Марта подождала.

Ада сняла пальто.

— Я сейчас объясню.

— Ты мне говоришь или им репетируешь?

— Не начинай с враждебности.

Марта встала между ней и дверью.

— Кто написал картины?

Ада положила пальто на кресло, не повесив. Это было плохо: обычно она успевала поправить даже чужой воротник.

— У нас появилась возможность расширить проект.

— У кого у нас?

— У галереи. У тебя. Не делай вид, что я с самого начала работала одна.

— Я и не делаю.

— Есть люди, которые могут помогать. Ты же жаловалась, что не успеваешь.

Марта жаловалась на другое. В августе она сказала, что больше не хочет писать пустые магазины. Ада попросила закончить ещё две работы, а потом они обязательно поговорят о новом.

— Эти люди помогают кому?

— Нам.

Марта посмотрела на дверь. За ней девушка со стойки обсуждала с кем-то лёд. Льда должно было быть двенадцать килограммов, привезли восемь, и девушка не знала, какая из этих цифр означает катастрофу.

— Сними их, — сказала Марта.

— Сейчас нельзя.

— До открытия три часа.

— Их ждут.

— Кто?

— Люди, которые вложились в выставку.

Ада говорила тихо. Это действовало сильнее, чем если бы она повысила голос.

— Ты понимаешь, сколько стоит этот вечер? Ты видела каталоги? Сколько привезено работ из частных собраний? Это не та история, из которой можно выдернуть четыре вещи, потому что тебе не нравится решение.

Марта не сразу нашла ответ. Ада использовала тот же тон, которым прежде защищала её картины от чужих поправок.

— А мне вообще собирались сказать?

— Да.

— Когда?

Ада поправила ручку пакета.

— Сегодня.

В пакете лежали мужская рубашка и коробка с запонками. Марта увидела их, когда бумага разошлась у сгиба.

— Чьи это вещи?

— Подарок.

— Кому?

— Марта, пожалуйста. Дай провести вечер. Потом мы сядем и спокойно всё разберём.

Марта могла тогда выйти в зал, снять карточку с именем Роэна и позвать девушку со стойки. Могла сказать: это имя придумала я, вон те девять работ написала я, остальные вижу впервые.

Девушка спросила бы, почему в каталогах написано другое. Инга перестала бы вынимать крючок. Валентина, когда приехала бы, захотела бы знать, кто восемь месяцев переписывался с ней от имени немолодого художника.

На последний вопрос ответить было легко. Переписывалась Марта.

— Четыре работы, — сказала она. — Сегодня. Больше ни одной без меня.

Ада закрыла глаза и кивнула.

Не обещала. Именно кивнула. Марта это заметила и всё-таки отступила от двери.

* * *

К семи часам в галерее уже не пахло свежей краской. Запах мокрых пальто смешался с духами, кофе и чем-то цитрусовым из бокалов. Люди стояли перед картинами, держа напитки слишком близко к полотну.

Марта дважды начинала подходить к «Окну во двор» и оба раза сворачивала.

Ада работала безошибочно. Помнила имена супругов, поворачивалась к человеку прежде, чем он успевал решить, что его забыли, не оставляла неловкое молчание пустым. Однажды провела ладонью по спине Марты, представляя её:

— Наш незаменимый человек. Без Марты половина этого вечера бы не состоялась.

Половина.

Марта улыбнулась.

Она не знала, что именно надеялась получить, соглашаясь на эту выставку. Аплодисменты имени, за которым стояла. Отдельный взгляд Ады. Возможность увидеть свои работы сразу на нескольких стенах и не думать об аренде.

Перед «Ночной примеркой» стояла женщина в длинном зелёном жакете. Валентина Хольм держала бокал за ножку, другой рукой касаясь локтя.

— В жизни она холоднее, — сказала женщина рядом с ней.

— У меня дома как раз теплее. Здесь свет такой.

Марта остановилась в двух шагах.

— Вам дома не мешает отражение? — спросила она.

Валентина повернулась.

— Какое?

— Белое. Справа.

— А должно?

— Нет.

Валентина посмотрела на картину.

— Я сначала думала, что там человек. Племянник говорит: нет там никакого человека.

А я каждый раз проверяю.

Марта почувствовала, как напряжение отпустило её лицо.

— Вот именно.

— Мы знакомы?

— Марта. Я помогала с вашей покупкой.

— Ах да. У вас тогда руки были синие.

Они обе посмотрели на её руки. Марта спрятала большой палец за ножку собственного бокала.

Возле входа вдруг стало тише. Не весь зал замолчал, только несколько человек повернулись одновременно, и этого хватило, чтобы остальные тоже обернулись.

В дверях стоял мужчина в сером костюме. Он был чуть моложе, чем следовало бы, с гладко зачёсанными волосами и тяжёлыми веками. Воротник белой рубашки оставался растёгнутым. Запонки не было.

Ада пошла к нему быстро, не оглядываясь на Марту.

Мужчина коснулся её локтя, наклонился, что-то сказал. Она засмеялась. Марта узнала этот смех: короткий, с опозданием в полсекунды.

— Друзья, — произнесла Ада.

Ей не пришлось повторять.

— Мы обещали вам встречу с работами. Сегодня получится больше.

Мужчина уже смотрел в зал. Не искал, где встать. Он стоял именно там, где свет падал на лицо, а не сверху на макушку.

— Стефан Розн, — сказала Ада.

Валентина выпрямилась рядом с Мартой.

Мужчина улыбнулся.

— Не сердитесь, что заставил столько ждать.

И начал принимать поздравления.

Глава 2. В присутствии автора

Он не говорил о картинах, пока его не спросили. Это было умно.

Ада подвела к нему владельца ресторанов, супругов, приехавших из Москвы, и женщину, чью фотографию Марта помнила по журналу. Мужчина слушал, чуть наклонив голову. Иногда улыбался одним краем рта. Когда ему сказали, что выставка поражает зрелостью, он ответил:

— Было время созреть.

Люди засмеялись так, будто в этой фразе скрывалось больше, чем в ней было.

Марта держала бокал за чашу. Вино успело нагреться. Она поставила его на подоконник, но потом вспомнила, что Инга только вчера красила подоконники, и переставила на стол.

— Вы совсем белая, — сказала Валентина.

— Здесь жарко.

— Поэтому я и не снимаю жакет. Под ним можно быть какой угодно.

Марта не ответила. Она следила за человеком в сером.

Вблизи он выглядел лет на пятьдесят. На сайте Роэну было пятьдесят восемь. Это ещё ничего не значило: чужая биография не обязывала лицо стареть точно по календарю. Но когда женщина из журнала сказала: «А вы моложе, чем я представляла», Марта почти благодарно повернулась к ней.

— В письменных интервью я выгляжу хуже, — ответил мужчина.

Ещё смех.

Ада поймала взгляд Марты и еле заметно качнула головой.

Подождать.

Теперь за этим жестом стоял весь зал. Мужчина в сером тоже заметил Марту. Его глаза задержались на ней на мгновение дольше, чем требовала вежливость, потом вернулись к собеседнице.

— Восемнадцать лет без выставок, — говорила та. — Вы ведь сами так написали.

— Иногда нужно разобраться, что именно вы хотите показывать.

Это написала Марта. В полночь, на кухне, пока остывал чай. Ада вернула ответ со словами: «Слишком сердито». Марта убрала предложение о том, что половина выставок делается ради фотографий с открытия.

Он произнёс её исправленную фразу мягко, почти небрежно.

Марта пошла к нему.

Кто-то преградил путь вытянутым телефоном. На экране она увидела его лицо в рамке, Аду сбоку и собственный чёрный рукав.

— Простите, — сказала она.

— Одну секунду, мы снимаем.

— Именно.

Человек с телефоном отступил.

Ада повернулась всем корпусом.

— Марта, познакомься...

— Мы уже знакомы.

В мужском лице ничего не изменилось. Он протянул ей руку. Она посмотрела на неё: длинные пальцы, плоские ногти, бурый след возле указательного. Утром кто-то предусмотрительно испачкал его краской.

— Рад наконец увидеть вас здесь, — сказал он.

— И я. Очень неожиданно.

Она пожала руку. Он не сжал пальцы слишком сильно. Даже это было рассчитано.

— Марта помогает нам с работами, — быстро сказала Ада. — Прекрасно знает...

— Я хотела спросить о «Ночной примерке».

Валентина уже подошла к ним. Улыбалась с готовностью владельца, чья вещь вдруг оказалась в центре внимания.

— Почему там справа остался белый след? — спросила Марта.

Мужчина оглянулся на полотно.

— Потому что его нельзя было убрать, не потеряв всё остальное.

Марта почувствовала, как в горле стало тесно.

Это был не точный ответ. Но хороший.

— Что было на его месте сначала?

— Марта, — сказала Ада.

— Мне правда интересно.

Он посмотрел на неё уже без улыбки.

— Я не очень люблю экзамены перед собственными картинами.

Валентина опустила бокал.

Марта слышала, как за её спиной перестали разговаривать двое мужчин. Она могла продолжить. Под белым следом первоначально была нарисована ручка двери. Она стёрла её, потому что получалось, будто дверь открывается прямо в зеркало. Эскиз лежал в мастерской. Фотография сохранилась в телефоне.

Она достала телефон.

Ада мягко накрыла её запястье ладонью.

— Давай не сейчас.

Марта убрала руку.

— Когда?

Мужчина посмотрел на Валентину, потом на ближайших гостей.

— У нас с Мартой есть рабочее разногласие. Боюсь, вечер для этого не самый подходящий.

— Какое разногласие?

Он дал ей возможность замолчать. Она это поняла: пауза длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы уступка ещё выглядела добровольной.

— По поводу повторов, — сказал он.

Валентина нахмурилась.

— Каких повторов?

— Иногда человек, работающий рядом с художником, слишком хорошо усваивает его манеру. Возникает соблазн продолжать самостоятельно. Само по себе это не страшно. Страшно оставлять чужую подпись.

Голос у него был почти печальный.

Марта посмотрела на Аду. Галеристка держала бокал двумя руками.

— Скажи, что это неправда, — произнесла Марта.

Ада отвела глаза от неё к человеку с телефоном.

— Здесь никто никого не обвиняет. Есть рабочие вопросы. Мы решим их отдельно.

— Он только что обвинил.

— Не будем устраивать сцену.

Сцена уже шла. В ней Марте досталась роль, которую все успели понять быстрее неё: обиженная помощница, выпившая лишнего на чужом празднике.

Она могла назвать его самозванцем. Слово было простое, точное, готовое. Но следом пришлось бы объяснить, кто же настоящий.

Она всё ещё хотела сначала поговорить с Адой.

— Пойдём, — сказала Марта.

Ада не пошевелилась.

— Сейчас.

Галеристка поставила бокал на столик и жестом извинилась перед гостями. Мужчина в сером отступил, пропуская их.

— Надеюсь, мы найдём решение, — сказал он.

Марта прошла так близко, что почувствовала запах его одеколона.

* * *

В кабинете Ада закрыла дверь, но оставила руку на ручке.

— Ты понимаешь, что ты сделала?

— Я?

— У людей телефоны.

— А у него мои картины.

— Он не собирался так говорить.

— Вы репетировали другое?

Ада выпустила ручку.

Марта впервые почувствовала страх не перед тем, что случилось, а перед количеством вещей, случившихся без неё.

На кресле больше не было пальто. Пакет с рубашкой исчез. За столом стоял стул, на котором обычно сидела Марта, когда они с Адой считали расходы; теперь на нём лежал чужой портфель.

— Кто он?

— Человек, который умеет общаться.

— Я тоже умею.

Ада ничего не сказала.

— Так ответь мне, — потребовала Марта. — Вы наняли человека изображать Роэна?

— Публика хотела его увидеть.

— Публика восемнадцать месяцев прекрасно жила без него.

— Не все. Ты не бываешь на переговорах.

— Потому что ты меня туда не зовёшь.

— Потому что на первой же встрече ты начинаешь спорить, нравится ли людям то, что они собираются купить.

Марта открыла рот, но Ада продолжила:

— Ты считаешь, я продаю воздух. Что деньги появляются сами, как только хорошую картину правильно осветить. Я каждый день отвечаю на вопросы, на которые у нас нет удобных ответов. Где Роэн? Почему нельзя с ним поговорить? Кто ещё у него покупал? Почему я должна заплатить столько, если не знаю человека? А ты в это время говоришь: мне надо подумать, я не могу писать по заказу.

— Я пишу по заказу восемнадцать месяцев.

— Я знаю.

Эти два слова прозвучали искренне. От этого Марте стало хуже.

— Зачем ты назвала меня помощницей?

— Чтобы потом было проще объяснить.

— Что?

Ада провела рукой по лбу. На безымянном пальце остался след тонального крема.

— Я собиралась представить тебя как участницу проекта. Не сегодня, позже. Мы могли бы устроить отдельный показ. Под твоим именем.

— Отдельный.

— Марта, мы же хотели этого с самого начала.

Они действительно когда-то говорили: пусть имя Роэна заработает, а потом Ада откроет публике настоящего автора. В разговоре всегда было «потом». Никто не написал дату.

— Он сказал, что я подделываю подпись.

— Я с ним поговорю.

— Сейчас.

— Он в зале.

— Мне всё равно.

Ада посмотрела на дверь так, словно там находился не зал собственной галереи, а кабинет более важного человека.

— Дай закончить открытие.

Марта рассмеялась. Смех вышел коротким и некрасивым.

— Вот теперь я понимаю, зачем у меня пропуск для грузового входа.

— Это ошибка девочки.

— Конечно.

Марта подошла к столу. На клавиатуре лежал экземпляр каталога. Она открыла его на середине.

На развороте была «Ночная примерка». Под изображением напечатали текст: «Пространство, из которого ушёл человек, продолжает хранить его возможность». Марта помнила, как заменила «присутствие» на «возможность». Ей тогда показалось, что так точнее.

Теперь это выглядело как причина отвернуть страницу.

Она листала дальше, пока не увидела «Окно во двор».

— Кто написал вот это?

— Один из художников.

— Имя.

— Не втягивай других.

Марта захлопнула каталог.

— Других уже втянули.

Из зала постучали.

— Ада? Тебя Кирилл Аркадьевич ищет.

— Сейчас.

Галеристка поправила платье на бёдрах. Два быстрых движения ладонями вниз. Марта видела, как она делала это перед каждым трудным разговором.

— Пожалуйста, посиди здесь, — сказала Ада. — Просто десять минут.

— Нет.

— Тогда хотя бы не пей больше.

Марта посмотрела на неё.

— Я выпила глоток.

Ада замерла.

— Я не это имела в виду.

Но Марта уже открыла дверь.

* * *

В зале стало теснее. Возле человека в сером стоял высокий мужчина с широким лицом. Он слушал, не кивая, держа руки за спиной. Ада когда-то показывала Марте его фотографию: Кирилл Бархатов, несколько крупных покупок, возможная поддержка выставки.

Теперь Бархатов смотрел прямо на неё.

Марта повернула к грузовому выходу. Из-за двери показалась Инга, катившая пустой ящик.

— На минуту помощи.

Марта взялась за второй край.

Они вынесли ящик в коридор и поставили на низкую тележку. Марта почувствовала, как шершавая фанера зацепила кожу у основания пальца. От этого маленького понятного ощущения ей стало легче.

— Ну? — спросила Инга.

— Что ну?

— У тебя такой вид, словно ты кого-то убила и не уверена, того ли.

Марта посмотрела на неё. Инга знала, что она пишет для галереи. Помогала натягивать некоторые холсты, делала рамы. Роэна считала псевдонимом художницы, странным, но не удивительным. Она не читала длинных интервью, не присутствовала при продажах и не обязана была понимать, насколько подробно они с Адой придумали другого человека.

— Ты слышала, что он сказал?

— Конеч.

— И?

Инга поставила ногу на колёсико тележки.

— Мне нужны твои слова, Марта. Я не хочу угадывать, во что вы меня записали.

Из зала донеслись аплодисменты.

Марта начала говорить. Не всё сразу. Сначала про сегодняшние картины. Потом про имя. Потом про то, что имя было не единственной выдумкой.

Инга слушала, опустив подбородок.

— То есть биография тоже ваша.

— Да.

— И письма этой даме, которая боится углы?

— Мои.

— Понятно.

— Нет, не всё так...

Инга подняла ладонь.

— Не надо сейчас делать красивее. Я и так стою рядом.

Марта замолчала.

Дверь приоткрылась. Показалась девушка со стойки.

— У вас кто-нибудь заберёт упаковку сегодня?

— Заберём, — сказала Инга.

Девушка исчезла.

— Документы у тебя остались? — спросила Инга.

— Договор. Эскизы. Переписка.

— Тогда унеси это отсюда и ничего сегодня не подписывай.

— Я не собиралась.

— Хорошо. Значит, одну вещь мы выяснили.

Они докатили ящик до служебного помещения. На фанере чёрным маркером было написано «Хольм». Ниже — номер и две стрелки вверх. Возле одной стрелки осталась широкая голубая полоска от сорванного скотча.

— Её картина? — спросила Марта.

— Да. Полотно сняла с домашней рамы, привезла в нашей. Рама у неё старенькая, тяжёлая. Сказала: оставьте как было, когда повезёте обратно.

Инга провела пальцем по наклейке.

— Тут даже на пустое место у каждого свои планы.

Марта отклеила со своей сумки слово «ПОДРЯДЧИК». Клей оставил белый прямоугольник. Она попыталась скатать его ногтем, но только размазала.

За дверью мужчина, назвавшийся Роэном, объяснял, почему никогда не пишет людей.

Марта задержалась. Она знала этот ответ. Люди, присутствуя на картине, забирают слишком много внимания. В пустой комнате зрителю приходится заметить себя.

Он сказал иначе:

— Мне просто трудно уговорить человека сидеть столько, сколько мне нужно.

В зале снова засмеялись.

Марта вышла через грузовой вход.

Глава 3. Хорошая биография

В мастерской было холодно. Марта включила маленький обогреватель под столом и сняла вчерашнее платье, которое успело превратиться из покупки в улику. На сумке белел след клея. Платье она повесила за шкаф, чтобы не видеть.

За ночь на телефон пришло сорок одно уведомление. Семь сообщений от Ады. Остальные — фотографии открытия, отметки галереи, вопросы знакомых. Подруга из училища написала: «Ты там работаешь? Познакомишь?»

Марта закрыла сообщение.

У окна стояла восемнадцатая картина. Пока без подписи. Длинная стойка за стеклом, на ней выцветшие квадраты от снятых ценников. Марта собиралась оставить справа резкий красный участок. Ада просила смягчить его: на предыдущих работах так резко не было.

Она взяла кисть и добавила ещё красного.

Через минуту стало очевидно: вышло хуже.

Марта вытерла кисть. Перечеркнуть Адино решение на холсте оказалось проще, чем написать что-нибудь взамен.

Новая мастерская обходилась в семьдесят четыре тысячи в месяц с отоплением. Здесь были высокий потолок, отдельный туалет и раковина, в которую помещалось ведро. Из окна открывался вид на стену, но стена была достаточно далеко. Марта впервые могла отойти от большой работы на четыре метра и не упереться в кровать.

За полтора года она привыкла к этой возможности так сильно, что считала её почти частью своих рук.

Ада позвонила, когда обогреватель наконец начал пахнуть горячей пылью.

— Ты дома?

— В мастерской.

— Можно приехать?

— Одной.

— Конечно.

Марта убрала чашки со второго стула, потом остановилась и вернула одну. Не из желания наказать. Просто подумала, что Ада сама способна передвинуть чашку.

До её приезда она достала папку с договором. Не тайник, не забытый конверт. Папка стояла на полке между чеками на материалы и инструкцией к осушителю.

На первой странице значилось её полное имя. Галерея принимала произведения на реализацию, указывала согласованный псевдоним, перечисляла вознаграждение. В приложениях были фотографии, размеры и названия. Марта полтора года раздражалась, когда Ада требовала подписывать каждый новый лист, и сейчас испытала к этим листам благодарность.

Она положила рядом телефон с перепиской.

Февраль прошлого года. Синий кружок Адино профиля. «Ты точно хочешь мужское имя?»

«Оно хорошо звучит».

«Хорошо. Тогда нужна биография».

Ни давления, ни приказа, ни угрозы не заплатить. Марта сама написала про семью переводчиков и театральную мастерскую. В училище их учили делать декорации; этого оказалось достаточно, чтобы дать вымышленному мужчине тридцать лет профессионального прошлого.

Первоначально она выбрала имя для трёх работ. Они стояли у Ады в кладовой почти год. Покупатели отмечали, что у Марты интересное чувство цвета, и покупали другое.

Однажды Ада принесла домой к постоянному клиенту «Светлый коридор», не успев прикрепить старую карточку. Клиент спросил, кто автор. Ада ответила: новый художник, с которым они пока мало работают.

Он спросил цену.

Сто двадцать тысяч.

Не восемнадцать, за которые они пытались продать её на ярмарке, и не тридцать пять с рамой. Сто двадцать.

— Он бы купил и у Марты Кленовой, — сказала тогда Ада.

— Но не купил.

— Мы не проверили.

— Давай и не будем.

Эту последнюю фразу Марта помнила без переписки.

Тогда она ждала Аду в цеху. На полу лежал большой лист упаковочной бумаги: Марта вырезала окно для живописи, а вокруг записывала, кому должна. Оставалось отдать Климу за электричество, купить разбавитель и оплатить зуб, который пока не болел, если жевать справа.

Ада вошла с пустыми руками.

— Оставила, — сказала она.

Марта сначала обрадовалась, потом спросила:

— На примерку?

Они уже оставляли картины в чужих домах. Неделя, две; однажды целое лето. Хозяева привыкали к работе и удивлялись, когда за неё всё-таки просили деньги. Ада тогда ещё соглашалась на такое, говорила, что нужно дать человеку пожить с искусством. Марта видела, как возвращались холсты: у одного по кромке шли капли кухонного жира, другой пах сигаретами. Ни с одним человеком, который пожил с её картиной, она не познакомилась.

Ада вытащила телефон и показала поступление.

— Купил.

— За сколько в итоге?

— Я же сказала.

Марта взяла телефон. Посмотрела дату. Будто подтверждение могло относиться к другому году, к другой вещи.

— Мне нужно выписать ему документы, — сказала Ада. — Пока он не передумал насчёт подарка брату. Как тебя указывать?

— Как мы придумали.

— Ещё можно сказать, что имя рабочее. Он не видел карточку.

Марта вернула телефон.

— Значит, пусть увидит сейчас.

Ада стояла перед ней в расстёгнутом пальто. На сером свитере осталась нитка от упаковки. Она не выглядела человеком, который только что открыл надёжный способ зарабатывать. Скорее женщиной, удачно перебежавшей улицу и ещё не вполне верившей, что оказалась на другой стороне.

— Ты потом не говори, что я тебя заставила, — произнесла она.

— Не буду.

В тот вечер они пошли в магазин и купили сыр, который обычно рассматривали сквозь стекло. Продавец спросил, сколько отрезать, и Марта сказала: весь оставшийся кусок. Он весил чуть больше трёхсот граммов; поступок не был расточительным. Именно это ей и понравилось. Можно захотеть вещь, взять её, и ничего не случится.

Они ели в цеху, положив сыр на ту самую бумагу. Ада провела ладонью по краю стола и спросила, когда Марта напишет что-нибудь ещё. Не «что у тебя есть готового», как прежде, а когда будет следующее.

Марта повернула к ней маленький этюд: дверь подсобного помещения, жёлтый свет, тряпка на батарее.

— Это?

— Да, — сказала Ада. — Только не делай нарочно похожим. Он купил картину. У нас ещё нет фабрики.

Тряпку Марта потом убрала. Дверь осталась. Спустя несколько месяцев большой «Жёлтый выход» занял место на стене у Льва Астахова, а этот этюд так и лежал между двумя кусками картона, без подписи и без рамы. Его никуда не передавали.

К тому времени фраза о театральной мастерской обросла подробностями. Покупателю нравилась мысль о человеке, который много лет делал временные пространства для других, а теперь наконец позволил себе собственную живопись. Марта понимала эту мысль. Она сама так жила. Нужно было изменить только несколько местоимений и удлинить прошлое.

Первое интервью оказалось труднее биографии. Ада прислала вопросы, Марта отвечала ночью. На вопрос «Почему вы почти не выставлялись?» она сначала написала правду: работы не брали туда, куда хотелось попасть. Удалила. Написала: «Долго не видел в этом необходимости».

Утром перечитала и испытала зависть к человеку, который мог себе позволить такой ответ.

Потом были хорошие месяцы. Она не хотела сейчас превращать их в непрерывное унижение. Они с Адой ездили за холстом, промокали, спорили о свете, выбирали белую стену для первой нормальной съёмки. Однажды посреди ночи сняли слишком тяжёлую раму, потому что из-за неё картина становилась похожа на дорогой календарь. Ада сидела на полу, обнимала раму коленями и держала отвёртку так неловко, что Марта отняла её.

— Всё ты должна испортить, — сказала Ада. — Я уже почти стала полезной.

Тогда они смеялись. Отвёртку Марта ей вернула.

Она отодвинула нынешнюю папку. Нижний угол зацепился за пустую чашку. Из чашки высыпалась засохшая крошка.

В старом телефоне ещё должна была оставаться фотография той ночи: Ада внутри рамы, лицо наполовину закрыто волосами. Марта помнила, что хотела отправить её в день рождения и забыла. Сейчас фотография оказалась бы одним из сотен файлов, подтверждающих совместную работу. От этой полезности захотелось убрать всё обратно на полку.

* * *

Ада приехала с кофе и бумажным пакетом булочек. Увидев папку, остановилась.

— Я не отбираю у тебя картины.

— Вчера выглядело иначе.

— Вчера всё пошло ужасно.

— Как его зовут?

Ада поставила пакет.

— Виктор.

— Дальше?

— Лосс. Он занимается озвучиванием. Выступает. Очень способный человек.

— Это я заметила.

Ада села, передвинув чашку.

— Его нельзя было выпускать без разговора с тобой. Это моя ошибка.

Марта села напротив. Она хотела услышать именно эти слова, но после них не почувствовала облегчения.

— Сколько времени ты его знаешь?

— Несколько месяцев.

— Сколько?

— Четыре.

Марта посмотрела на папку.

Четыре месяца назад Ада помогала ей выбирать новый стол. Они спорили, нужен ли колёсикам тормоз, ели на полу суши и смеялись над тем, что у художницы наконец появилась нормальная мебель. Ада уже знала Виктора Лосса.

— Зачем?

— Был покупатель. Он хотел поговорить. Одного письма ему оказалось мало.

— И ты...

— Я не могла дать ему тебя.

— Могла сказать, что у Роэна псевдоним.

— Марта, ты сама написала ему: «Когда я работал над этим в своей старой театральной мастерской...»

Она не договорила.

Марта действительно написала. Покупатель тогда рассказал о своём отце, который был театральным художником. Ей захотелось ответить чем-то близким. Она взяла воспоминание о практике в училище и переставила его в чужую жизнь.

— Ты могла спросить меня.

— Ты бы отказалась.

— Возможно.

— А потом попросила бы найти другой способ продать.

В комнате щёлкнул обогреватель.

Ада сняла крышку с кофе.

— Он поговорил хорошо. Человек успокоился. Потом понадобилось ещё два звонка. Я платила за работу. Всё.

— До вчерашнего вечера.

— Да.

— А картины?

Ада поставила чашку.

— Для выставки нужно было больше материала.

— Ты могла перенести её.

— Мы уже переносили дважды.

— Или сделать маленькую.

— Кирилл Аркадьевич согласился на другую.

Марта вспомнила лицо Бархатова: человек, не торопившийся кивать.

— Он платит?

— Частично.

— И выбирает художников?

— Он хочет понимать, что будет с проектом.

— Не называй меня проектом.

— Я не тебя называю.

Ада сказала это слишком быстро.

Некоторое время они сидели молча. Из коридора донёсся стук: соседняя мастерская выгружала мебель. Кто-то громко объяснял, что стол нужно сначала перевернуть, а уже потом выносить.

Марта положила ладонь на папку.

— Вот мой договор. Здесь моё имя. Вот приложения. Вот эскизы. Вот письма, в которых мы придумываем Роэна. Что ты собираешься говорить?

— Правду.

— Какую из?

Ада поморщилась.

— Ты пишешь картины. Это никто не отрицает.

— Вчера отрицали.

— Вчера Виктор защищался.

— От чего?

— От твоего вопроса.

Марта медленно убрала ладонь с папки.

— Ада, я не собираюсь его жалеть.

— Я не прошу.

— Просишь.

Ада откинулась на спинку стула. Впервые за утро она выглядела не усталой, а злой.

— Хорошо. Давай всё разрушим. Напишем: художника нет, биография выдумана, письма писала женщина, которая в зале делала вид, что просто помогает. Пусть все принесут картины назад. Ты вернёшь свою часть?

Марта посмотрела на окно.

Деньги не лежали в отдельной коробке. Они превратились в эту комнату, в материалы, в оплаченные долги, в полгода, когда не приходилось брать заказы на упаковку косметики. Часть ещё оставалась на счёте. Далеко не всё.

— Они покупали картины, — сказала она.

— Да. И человека, про которого ты им рассказывала.

— Ты тоже рассказывала.

— Конечно, я тоже.

Ада перестала спорить. Это прозвучало хуже обвинений.

Она придвинула к Марте пакет с булочками.

— Я прошу неделю. Не молчание навсегда. Неделю, чтобы исправить форму. Сделать это понятным.

— «Мастерская Роэна»?

— Почему нет?

— Потому что не было никакой мастерской Роэна.

— Теперь есть.

Марта посмотрела на свою неоконченную картину. Красное пятно успело потускнеть.

— Другие художники знают про меня?

— Знают, что есть ведущий автор.

— Кто?

Ада не ответила.

Марта взяла телефон.

— Я хочу их имена и список всех картин. Не только моих.

— Зачем?

— Чтобы понимать, чему именно ты предлагаешь дать неделю.

— Хорошо.

— Сегодня.

Ада кивнула, но Марта теперь смотрела на неё, пока та не произнесла:

— Сегодня.

* * *

После её ухода Марта открыла публикацию галереи.

На первой фотографии стоял Виктор Лосс. Рядом Ада. На второй — он перед «Ночной примеркой». На третьей — она сама, видимая сбоку: поднятый подбородок, телефон в руке, некрасивое напряжение рта.

Подпись к третьей фотографии была нейтральной: «Обсуждение творческого процесса».

В комментариях кто-то спрашивал, что за женщина пристаёт к художнику. Кто-то отвечал, что это, кажется, ассистентка. Другой писал: «Сам был, неприятная сцена».

Она начала ответ.

«Эти картины написала я».

Остановилась.

Не все.

«Девять представленных на выставке работ написала я».

Получалось, будто остальные четыре действительно написал Виктор.

«Стефан Роэн — мой псевдоним».

Тогда зачем письма от мужчины, история театральной мастерской и слова о долгих годах одиночества? Под любым коротким ответом открывался следующий вопрос.

Марта скопировала три предложения в заметки и закрыла страницу.

Она не хотела дать Аде неделю. Но ещё меньше хотела публиковать объяснение, которое сама не могла выдержать до конца.

Вместо этого Марта отсканировала договор и приложения, сохранила переписку отдельно от телефона, собрала фотографии работ по датам. На снимке прошлого декабря «Ночная примерка» стояла у окна без рамы. В зеркале ещё была ручка двери.

Она увеличила фотографию. На полу лежал обрезок голубой ленты, которой Инга закрывала край подрамника перед примеркой рамы. Марта помнила, как ругалась, наступив на него босой ногой.

Телефон зазвонил. Номер был незнакомый.

— Марта Кленова?

— Да.

— Валентина Хольм. Ада дала ваш телефон ещё тогда, на случай доставки. Я хотела спросить о вчерашнем.

Марта присела на край стола.

— Спрашивайте.

— У моей картины есть ещё одна такая же?

Она ожидала другого вопроса.

— С чего вы взяли?

— Я спросила не с чего. Есть?

Марта посмотрела на фотографию.

— Я второй не писала.

В трубке помолчали.

— Это очень странный ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Тогда найдите, пожалуйста. Потому что мне недавно предлагали «авторский повтор».

И я почему-то решила, что должна радоваться.

Глава 4. Чужая кисть

Валентина назначила встречу в кафе через дорогу от галереи. Марта пришла раньше и выбрала стол у стены. Когда покупательница вошла, выяснилось, что она зарезервировала другой, у окна.

— Там темно, — объяснила Валентина.

Марта пересела.

В дневном свете женщина выглядела иначе. На открытии зелёный жакет казался частью тщательно выбранного образа; сегодня он был просто добротной одеждой с чуть вытянутыми локтями. Валентина сняла очки, протёрла их салфеткой и заказала суп.

— Не возражаете, если поем? У меня дальше склад.

— Конечно.

— Вы будете?

Марта покачала головой.

— Тогда кофе. На голодный желудок неприятные разговоры хуже получаются.

Она сказала это без заботливой интонации, как сообщила бы, что возле окна дует.

Из сумки Валентина достала телефон и открыла переписку.

«Для большого зала может быть выполнен авторский повтор в увеличенном формате».

Сообщение пришло от галереи три недели назад.

— Я спросила, можно ли купить что-то похожее для переговорной, — сказала Валентина.

— Не такую же. Похожую по настроению. Ада предложила это. Я отказалась. Решила, что будет странно ходить из одной комнаты в другую и видеть одно и то же.

— Мне ничего не говорили.

— Вы должны знать всё, что предлагает галерея?

Марта подалась вперёд.

— Если речь о моей работе — да.

Валентина положила телефон экраном вниз.

— Вот теперь мы дошли.

Официант принёс воду. Обе дождались, пока он отойдёт.

— Что значит «моей»?

Марта сжала под столом пальцы.

— Я написала «Ночную примерку».

— По чьему эскизу?

— По своему.

— Вы видели эту комнату?

— Я её придумала. Частично. В старом универмаге была примерочная, которую я фотографировала. Зеркало и проход — оттуда. Остальное другое.

— А Роэн что делал?

Марта посмотрела на людей за стеклом. Мужчина тянул собаку мимо уличного столика, собака старалась дочитать интересное место у ножки.

— Стефана Роэна придумали мы с Адой.

Валентина не переспросила. Только опустила руки на колени.

— А человек вчера?

— Нанятый актёр. Я узнала о нём вчера. Имя сегодня.

— Он писал мне?

— Письма писала я.

— Все?

— Не знаю, что вам приходило от галереи. От самого Розна — вероятно, я. Нужно посмотреть.

Валентина долго молчала. Потом отодвинула стакан с водой на край стола.

— Вероятно.

— Я не хочу сейчас соврать ещё раз.

— Спасибо за позднее усердие.

Марта опустила глаза.

Принесли суп. Валентина не стала его есть.

— Вы написали, что долго не могли вернуться к работе после смерти жены.

Марта вспомнила.

Было короткое письмо. Валентина рассказала, что после смерти мужа полгода не могла переставить его кресло. Ада переслала сообщение с просьбой ответить тепло. Марта сидела в мастерской, усталая и голодная, и решила дать человеку то, чего тот ждёт.

— Да, — сказала она.

— У вас кто-то умер?

— Нет.

Валентина кивнула.

— Вот это хуже, чем подпись.

Марта хотела сказать, что картина всё равно настоящая. Что четыре дня стояла перед белым отражением, что ей пришлось переписать стену, что она сама смотрела на полотно и чувствовала в нём чужое отсутствие.

Она представила, как эти объяснения прозвучат за столом.

— Простите.

— Пока не знаю.

Валентина взяла ложку. Первые несколько ложек съела, глядя мимо Марты.

Потом спросила:

— Вы можете показать мне, как это писали?

Марта достала телефон.

На фотографиях была видна мастерская, окно, холст на разной стадии. Валентина увеличивала снимки, но не комментировала. Задержалась на раннем наброске.

— Тут ещё дверь.

— Ручка. Я убрала.

— Почему?

— Всё становилось слишком понятным. Получалось: здесь кто-то сейчас войдёт. А мне хотелось, чтобы никто не входил.

Валентина подняла на неё глаза.

— Я бы всё равно купила, — сказала она. — Наверное. Не знаю, за те ли деньги.

Вместо благодарности Марта почувствовала почти физическое желание узнать: за какие. Ей стало стыдно.

* * *

В галерее было пусто. Девушка за стойкой узнала Марту и сразу посмотрела на телефон.

— Ада пока не приехала.

— Я к своей картине, — сказала Валентина. — И к тому, кто отвечает за выдачу.

Девушка выпрямилась.

— Вы хотите забрать раньше?

— Пока хочу посмотреть.

Их пропустили в зал.

«Ночная примерка» висела на прежнем месте. Без вечерней толпы она казалась меньше. Валентина постояла перед ней, потом приблизилась к самому краю.

— Она та?

Марта посмотрела сначала на отражение, потом на верхний левый угол, где под тонкой краской просвечивала тёплая подкладка. У неё не возникло сомнений.

— Да.

— Уверены?

— В том, что вижу спереди, — да. Хотите, можно сверить фотографии состояния.

— У меня Инга всё сняла при упаковке.

Валентина показала экран. На одном снимке был оборот холста. Снизу, возле поперечины, виднелась небольшая прямоугольная заплатка.

— Это вы порвали?

— Я задела угол стола, ещё до окончания. Инга помогла укрепить. Ада вам говорила?

— Говорила. И скидку я просила.

— Получили?

— Нет.

Марта неожиданно улыбнулась. Валентина не улыбнулась в ответ.

— Я хочу увидеть оборот, — сказала она подошедшей девушке.

— Мне нужно спросить.

— Спросите.

Пока девушка звонила, Марта перешла к «Окну во двор». При дневном свете работа не стала слабее. Нижний край щита был написан так, будто тяжёлое дерево выгнулось от сырости. Пятно травы состояло из нескольких точных движений, не похожих на её собственную привычку долго вынимать свет из тёмного.

Под рамой сбоку виднелся крошечный необрезанный конец цветного шнура. Марта наклонилась. Транспортная петля, оставленная монтажником. На её работах Инга использовала другое крепление.

Это была чужая вещь ещё до подписи.

Марта позвонила Инге.

— У тебя нет накладной на вчерашние новые картины?

— Есть лист приёма у Ады.

— А ты не видела, кто вёз?

— Я говорила: не получала.

— Мне нужно найти художника.

На другом конце некоторое время шуршало.

— Ты уже нашла адвоката?

— Ещё нет.

— Начни с этого.

— Инга.

— Я не детектив. У меня со вчерашнего дня болит спина, и через час приедут за овальной рамой, которой пока не существует.

Марта закрыла глаза.

— Извини.

— Пришли фото оборота, если дадут. Иногда на подрамнике есть мастерская. Но это не имя художника.

Марта пообещала.

Девушка закончила разговор и вернулась к Валентине.

— Сейчас снимать нельзя. Нужно, чтобы был наш монтажник. Можно завтра утром, в одиннадцать.

— Завтра я работаю.

— Может быть, в воскресенье?

Валентина посмотрела на неё.

— Напишите мне, пожалуйста, время и кто будет присутствовать.

— Конечно.

— И передайте Аде, что я не согласна брать авторский повтор. Ни в большем формате, ни в меньшем.

— Хорошо.

Она произнесла это с той же готовностью, с какой вчера обещала дополнительный лёд.

Марта проводила Валентину к выходу. Покупательница остановилась у двери.

— Вы хотите, чтобы я рассказала другим?

— Я ещё не знаю, как...

— Марта. Я не собираюсь хранить вашу тайну.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Валентина застегнула жакет.

— Пришлите мне те фотографии. И письменно то, что сказали за столом. Своими словами. Я хочу иметь возможность перечитать, когда перестану злиться.

Она ушла, не попрощавшись.

* * *

Марта вернулась к «Окну во двор».

Девушка за стойкой уже снова разговаривала по телефону. В дальнем помещении уборщица двигала стулья. Марта подумала, что можно приподнять картину и сфотографировать оборот: две секунды, никто бы не заметил.

Она положила ладонь под нижний край рамы.

— Пожалуйста, не трогайте.

Марта отдернула руку. В дверях стоял мужчина с бейджем охраны. Вчера он ел грушу. Сегодня был серьёзен.

— Мне только посмотреть крепление.

— Если нужно, я вызову сотрудника.

— Я здесь работаю.

Он посмотрел на её сумку: бумажной наклейки больше не было.

— Меня не предупреждали.

Марта отошла.

— Тогда спросите, кто написал эту картину.

Мужчина перевёл взгляд на карточку.

— Здесь написано.

Ответ был настолько прост, что Марта не нашлась сразу.

Вчера она ждала человека, который остановится перед картиной без подсказки. Теперь этот человек стоял перед ней, и единственная подсказка, в которую он верил, была напечатана ими с Адой.

У выхода лежали каталоги. Марта взяла один, раскрыла последнюю страницу. Благодарности, фотограф, дизайнер, печать. Внизу мелким шрифтом: «Рамы и подрамники — мастерская „Кромка“».

Она сфотографировала строку.

Список картин, обещанный Адой, всё ещё не пришёл.

Глава 5. Цена тишины

Адвоката посоветовала Инга. Когда-то он помог ей получить деньги за монтаж, который заказчик решил считать дружеской услугой.

— Не любитель живописи, — предупредила она. — Зато читает до конца.

Григорий Фальк принимал в офисе над стоматологией. В коридоре пахло кофе и чужой тревогой. Марта принесла договор, распечатанную переписку и каталог.

Фальк сначала спросил, чего она хочет.

— Чтобы они перестали говорить, что картины написал другой.

— И?

— Вернули моё имя.

— И?

Марта посмотрела на него.

— Вам мало?

— Я выясняю порядок.

Она помолчала.

— Чтобы не пришлось вернуть всё, что я заработала.

Фальк кивнул и записал это третьим пунктом.

Потом он пересчитал приложения. Двенадцать проданных полотен, пять ещё в галерее. Четыре из этих пяти Марта вчера видела в залах. «Боковое стекло» не попало в развеску: Ада сочла его слишком похожим на одну из одолженных работ.

— От непроданных хотите отказаться? — спросил Фальк.

— От чего отказаться?

— От продажи через эту галерею.

— Я хочу, чтобы они их продали под моим именем.

Он поставил карандашом знак на полях договора.

— Если передумаете, здесь есть условие возврата. Через три календарных дня после получения письменного требования. Для вещей, по которым не заключена продажа. Перевозку оплачиваете вы.

— А моё письмо вчера?

— Вы спрашивали, кто написал новые картины. Это другое письмо.

Марта посмотрела на серый квадратик фотографии в приложении. Вынести картину со стены можно было за минуту. Вернуть её в мастерскую — за час. А потом она будет стоять у стены, точно так же, как стояла раньше. Девять месяцев. Год.

— Пока не надо, — сказала она.

Он не удивился мужскому псевдониму. Не удивился и актёру. Наибольшее внимание уделил приложениям с перечнем работ и письмам покупателям.

Марта несколько раз начинала объяснять. Он просил дать дочитать.

— Договор с галереей не делает другого человека автором, — сказал он наконец. — Продажа полотна тоже. Здесь у вас достаточно материала, чтобы предметно заявлять о своих правах. Но вы сейчас хотите одним действием решить три разных вопроса.

— Какие?

Он развернул к ней блокнот.

Там стояли её собственные ответы.

— Авторство. Что именно вправе делать галерея. И что вы вместе обещали покупателям. В третьем вопросе документы могут оказаться неприятны и для вас.

Марта сцепила пальцы.

— Подпись на картине моя. Биография не относится к качеству краски.

— Возможно. А письмо о личном опыте утраты?

Она отвернулась.

Фальк положил лист отдельно.

— Я не предлагаю вам признать всё, в чём вас могут обвинить. Я предлагаю сначала не прятать от меня существенное.

Он попросил составить по памяти перечень проданных работ и отметить, где есть точные сведения о владельцах. Потом — сохранить исходные файлы, не только сегодняшние снимки экранов. О публичном ответе сказал, что короткая точная формулировка лучше импровизации под чужим видео.

— Можно написать, что он мошенник?

— Вы можете написать, какие именно ваши картины он объявил своими и почему вы с этим не согласны. С чужой биографией разберёмся отдельно.

— Его зовут Виктор Лосс.

— Это не доказательство. У вас самой на обложке каталога другое имя.

Марта почувствовала раздражение. Она заплатила за возможность получить ясность, а ясность всё время уводила в сторону от удобного вывода.

— Значит, он может продолжать?

— А вы хотите, чтобы я сейчас позвонил ему и отменил вчерашний вечер?

Фальк сказал это спокойно, без насмешки. Марта посмотрела на свои руки и впервые за день рассмеялась.

— Хотела бы.

— Я могу подготовить требования. Могу помочь вам не ухудшить положение следующей фразой. Вчерашний вечер останется.

Когда она вышла, пришло сообщение от Ады.

«Перечень высылаю. Нам очень надо увидеться».

Во вложении было семнадцать работ Марты.

* * *

Ада предложила встретиться не в галерее, а в ресторане на соседней улице. Марта выбрала мастерскую.

На этот раз гостя приехала без еды. Сняла пальто и сама нашла свободный крючок.

— Ты разговаривала с Валентиной.

— Да.

— Она прислала мне шесть вопросов.

— Ответь.

— Я отвечу.

Марта оставалась у мольберта.

— Я просила список всех картин.

— Я пока собрала твои.

— Они у меня есть.

— Не таким файлом.

Марта повернулась.

— Ада.

Галеристка достала из сумки два листа.

На первом было написано: «Марта Кленова. Ведущий художник мастерской Стефана Розна».

Марта читала стоя.

Там перечислялись будущая персональная выставка, гарантированная выплата на полгода, упоминание имени во всех новых каталогах. Отдельным абзацем — согласованный порядок общения с прессой.

— Это не договор, — сказала Ада. — Только предложение.

— Я вижу.

Миллион восемьдесят тысяч за шесть месяцев. По сто восемьдесят в месяц, вне зависимости от новых продаж. Марта могла спокойно работать над другой серией. Даже взять меньшую мастерскую и прожить год.

Она перечитала цифру.

— Откуда деньги?

— Бархатов готов поддержать.

— Почему?

— Ему нравится то, что ты делаешь.

— Так пусть покупает у меня.

— Он покупал.

Это было правда. Две работы Марты оказались в его собрании. Она не видела их после продажи, но помнила, как Ада прислала банковское подтверждение и три восклицательных знака.

На втором листе была предложена короткая фраза для сайта: «На протяжении последних лет Марта Кленова участвовала в реализации художественного замысла Стефана Розна».

— Нет, — сказала она.

Ада не потянулась забрать листы.

— Сформулируем иначе.

— «Замысла Марты Кленовой».

— Тогда какой смысл в мастерской?

— Для меня — никакого.

Ада села.

— Ты думаешь, если всё назвать правильно, останется то же самое? Те же люди, те же цены?

— Нет.

— Думаешь.

Марта хотела возразить и не смогла. Она действительно представляла себе, как в каталоге меняют имя, а все хорошие последствия остаются на месте.

Ада смотрела на неоконченную картину.

— Красное стало слишком тяжёлым.

— Знаю.

— Можно сверху...

— Не надо.

Галеристка замолчала.

Это была их самая старая привычка. Ада говорила, что ей мешает, Марта сперва злилась, а потом иногда делала почти то, что было предложено, и работа становилась лучше. Она не хотела терять даже эту неприятную часть их близости.

— Ты хоть раз собиралась меня представить? — спросила Марта.

— Да.

— Когда?

— Я не знала.

Впервые Ада ответила без попытки заполнить паузу.

Из соседнего помещения донёсся смех. Кто-то включил музыку и сразу сделал тише.

— Ты могла сказать это раньше, — произнесла Марта.

— Ты бы ушла.

— Не знаю.

— Я боялась проверять.

Марта положила листы на стол.

— Я их возьму.

Ада заметно выпрямилась.

— Чтобы показать адвокату.

— Конечно.

Облегчение осталось на её лице ещё на секунду, прежде чем она успела его убрать.

Уже у двери Ада вспомнила:

— За «Жёлтый выход» остаток перечислили. Тебе должно прийти сегодня.

— Он же давно продан.

— Там был последний платёж.

— Ты говорила, что расчёт закончился.

Ада задержала руку на молнии сумки.

— Я могла неточно сказать. Посмотрю.

Марта не стала удерживать её.

* * *

Деньги пришли в восемнадцать сорок. Сто восемьдесят тысяч.

Марта увидела уведомление, когда готовила себе макароны на маленькой плитке. Она давно говорила всем, что не ест в мастерской, и почти каждый день делала именно это.

На секунду стало легко. Можно оплатить следующий месяц и купить грунт, не разливая остатки из трёх банок.

Потом она открыла таблицу, которую вела сама.

«Жёлтый выход» был отмечен как оплаченный полностью пять месяцев назад. Её доля сходилась с прежними переводами.

Она написала Аде.

Ответ пришёл сразу:

«Это доплата. Я объясню завтра».

Марта позвонила. Ада не взяла трубку.

Макароны начали приставать ко дну. Марта сняла кастрюлю, добавила масло и ела стоя, читая прежнюю переписку о продаже.

Там не было никакой доплаты.

Она не стала возвращать деньги наугад. Сделала отдельную запись, отправила Фальку вопрос о переводе и о том, как правильно поступить, если назначение не совпадает с реальной сделкой.

После этого открыла приложение банка ещё раз.

Сумма на счёте выглядела убедительнее всех слов Ады.

Марта представила, что подпишет предложение. Через месяц проведут выставку под её именем. На открытии кто-нибудь скажет, что всегда видел в Роэне женскую руку. Она посмеётся и позволит думать, что всё было тонким художественным экспериментом.

Никто не спросит, кто написал «Окно во двор».

Она отложила телефон.

На столе лежал каталог. Марта раскрыла последнюю страницу и нашла номер мастерской «Кромка».

Там ответили после восьми гудков.

— Уже закрылись.

— Мне нужно узнать про рамы на выставке Роэна.

— Завтра с десяти.

— Художник работает у вас?

— Какой?

Марта посмотрела на репродукцию двора.

— Молодой, наверное. Пишет город.

— У нас все молодые, пока не придут за расчётом. Приходите завтра.
Соединение оборвалось.

Марта впервые за этот день знала, куда пойдёт утром.

Глава 6. Голос из трубки

Мастерская «Кромка» находилась во дворе, где одинаковые металлические двери вели в совершенно разные занятия. За одной чинили кофемашины, за другой хранили коробки с надписью «ПРАЗДНИК». Возле нужной стоял человек в длинном фартуке и вытряхивал опилки из рукава.

— Вы вчера звонили, — сказал он.

Марта удивилась.

— По картинам?

— По голосу.

Внутри было теплее, чем у неё. На стене рядами висели образцы багета: золото, чёрное дерево, узкие серебристые полосы. На верстаке лежала большая фотография собаки в мантии.

— Роэн, — сказала Марта.

— Рамы на прошлой неделе отдали.

— Мне нужен художник.

Человек вытер руки.

— Тогда вам не к нам.

Марта раскрыла каталог на «Окне во двор».

Он посмотрел, не приближая.

— У нас это оформляли. И что?

— Я хочу поговорить с тем, кто принёс.

— Что-то не так с рамой?

— С рамой всё хорошо.

— Тогда зачем вам тот, кто принёс?

Марта поняла, что пришла так, будто право задавать вопросы полагается ей вместе с хорошим пальто.

— Я художница. На выставке есть мои работы. И ещё вот эта. Мне важно узнать, кто её написал.

Мастер посмотрел на подпись под репродукцией.

— Здесь сказано.

— Я знаю.

Он снова вытер руки, на этот раз медленнее.

— Молодой человек оставлял заказ. Я не раздаю номера клиентов.

— Передадите ему мой?

Это его устроило.

Марта написала имя и телефон на чистой стороне старого ценника. Мастер прикрепил бумажку к записной книжке.

— Как его зовут?

— Ян. Если захочет, сам расскажет.

Выходя, Марта едва не задела плечом картину, поставленную у двери лицом к стене. На обороте было приклеено несколько чужих адресов, зачёркнутых крест-накрест.

— Осторожно, — сказал мастер. — Она уже много путешествовала, ей хватит.

На улице позвонила Ада.

— Виктор хочет встретиться.

— Пусть позвонит.

— Я дам твой номер?

Марта чуть не засмеялась. Теперь разрешение спрашивали.

— Дай.

* * *

Лосс предложил кафе при небольшом культурном центре. Когда Марта вошла, он стоял у стойки в тёмном свитере, без костюма. Держал бумажный стакан и слушал сообщение в наушнике.

Без вечернего света лицо оказалось усталым. На шее под ухом виднелся плохо сбритый участок.

— Спасибо, что пришли.

— Вы сегодня кто?

Он вынул наушник.

— Виктор.

— Удобно.

— Иногда.

Он указал на столик в углу.

Марта не села сразу.

— Я не буду подписывать отказ от своих картин.

— Я тоже не буду.

— У вас нет картин.

Он поставил стакан.

— Вот с этого и начнём.

Марта хотела уйти. Вместо этого села напротив.

Лосс вытащил из сумки папку. Внутри были распечатки, некоторые с пометками карандашом. Марта узнала собственные ответы для интервью.

— Я работал с тем, что мне дали, — сказал он.

— Позавчера в этой папке было написано обвинить меня?

— Нет. Позавчера вы решили разоблачить меня перед залом.

— А что я должна была сделать?

— Поговорить заранее.

— Я не знала о вас.

Он посмотрел на неё. На этот раз внимательно, без готовой реакции.

— Ада сказала, что вы согласны.

Марта не могла понять, правда ли он удивился. У него была профессия, которая делала даже честное лицо сомнительным.

— Вы ей поверили?

— У меня не было причин проверять ваш разговор.

— А теперь?

— Теперь есть.

Он перевернул лист. На полях возле одной из её фраз стояло: «Не торопиться. Улыбка после „окно“».

Марта почувствовала одновременно отвращение и любопытство.

— Вы репетировали мои письма?

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы не звучать человеком, который читает чужие письма.

В соседнем зале хлопнула дверь. Кто-то позвал Виктора. Он ответил, что подойдёт через полчаса.

— Я не могу рисовать, — сказал он. — Если вы ждали признания, вот оно.

Марта молчала.

— Но я могу сделать так, чтобы слушали. Вас, эти работы, слова, которые вы написали. Вы же сами почему-то решили, что простого имени недостаточно.

— Я не нанимала вас решать за меня.

— Нанимала Ада.

— Пусть она вас и уволит.

Лосс усмехнулся.

— За первый звонок мне заплатили восемь тысяч. За вечер обещали больше. Но теперь я понимаю, что продаю дешевле, чем могу.

Он сказал это без попытки понравиться.

Марта откинулась на спинку стула.

— Вы решили стать Роэном.

— Вы тоже в какой-то момент решили.

— Я написала картины.

— Да.

— Тогда в чём спор?

Лосс посмотрел на её сумку, из которой выступал край каталога.

— В том, что картины для Роэна пишете уже не только вы.

Несколько секунд Марта слышала лишь шорох кофемолки.

— Что вы имеете в виду?

— Ада собирается делать мастерскую. Бархатов готов платить. Люди хотят новые работы. Если у них будет понятный человек, проект продолжится.

— Даже если я уйду.

— Я бы предпочёл, чтобы вы остались.

В этой фразе не было ни угрозы, ни сочувствия. Он обсуждал необходимого участника постановки.

Марта посмотрела на бумажные стаканы. На его стакане бариста написал «Витя». Имя обыкновенного человека, который выпьет кофе и пойдёт работать.

— Сколько вам нужно, чтобы прекратить это?

Виктор долго не отвечал.

— У вас есть деньги, чтобы купить обратно всю историю?

Она поняла, что предложила ему именно то, что сама презирала в Аде: удобную выплату вместо неудобного разговора.

— Нет.

— Тогда не начинайте торг, который не можете закончить.

Лосс собрал бумаги.

— Я скажу публично, что на открытии неточно выразился. Что не имел в виду конкретных незаконных действий с вашей стороны. Но я не выйду завтра с табличкой «Самозванец».

— Почему я должна на это соглашаться?

— Не должны.

Он надел очки, чтобы прочитать сообщение на телефоне. В очках стал похож на преподавателя, проверяющего расписание.

— Вам письмо от Кирилла Аркадьевича передали?

— Какое?

— В понедельник у него небольшой приём. Он хочет поговорить с вами напрямую.

— О чём?

— Я не его секретарь.

Марта встала.

Лосс тоже поднялся, но не протянул руку.

— На фотографии с открытия вы выглядите человеком, которому ничего не дали, — сказал он. — Не позволяйте им закрепить это.

— Вы и закрепляли.

Он не стал спорить.

* * *

Возле гардероба Марта услышала его голос из приоткрытой двери.

Тот же тембр, другое дыхание. Виктор говорил с лёгким, чуть раздражённым достоинством пожилого человека. Потом остановился и попросил повторить музыкальный вход.

Марта заглянула.

В пустом зале стояли три стула. Женщина за столом следила по тексту. На полу лежала картонная корона, надрезанная сбоку и склеенная прозрачной лентой.

Лосс поднял её, примерил, снял.

— Эта опять мала. У меня либо гордость, либо уши, вместе не помещаются.

Женщина засмеялась.

Марта отошла от двери.

Он умел работать. Это почему-то мешало ненавидеть его просто и целиком.

На улице она написала Фальку краткое изложение разговора. Не запись: она не включала диктофон. Адвокат ответил, что публичное уточнение лучше сохранить, когда оно появится, и попросил переслать конкретное предложение галереи.

Марта отправила фотографии листов.

Потом позвонил Ян.

— Мне дали ваш номер в «Кромке».

Голос был молодой и осторожный.

— Спасибо, что позвонили.

— Что с картиной?

— Ничего. Я хотела поговорить об авторстве.

Он помолчал.

— С Адой разговаривали?

— Да.

— Тогда она должна была объяснить.

— Не объяснила.

Снова тишина.

Марта посмотрела на своё отражение в витрине. Выпрямила плечи, словно готовилась говорить на камеру.

— Меня зовут Марта Кленова. Я написала большую часть работ, которые продаются как Роэн. И я не знала о вашей.

— Ясно, — сказал Ян.

— Вам ясно?

— Теперь да.

— Мы можем встретиться?

— Сегодня не получится.

Она собралась настаивать, но услышала в трубке скрип и короткое чужое указание: «Держи левый край».

— Вы заняты?

— Работаю.

— Завтра?

— В два. Адрес пришлю. Только без Ады.

Марта согласилась.

Через несколько минут пришло ещё одно сообщение, уже от Виктора.

«Уточнение опубликуют вечером».

Она представила, как он возвращается к короне, примеряет её, наконец надрезает картон ещё немного. Потом выпрямляется, и тесный пустой зал начинает принадлежать ему.

Марта пошла к остановке. В сумке лежал каталог выставки. Она несла его как вещь, которую у неё уже пытаются забрать.

Глава 7. Окно во двор

В воскресенье Марта долго не могла найти вход. Ян написал: «За прачечной налево», но прачечная закрылась, и над дверью висела только выгоревшая полоса. Марта обошла здание, попала к разгрузке магазина, вернулась. Когда наконец поднялась по узкой лестнице, в мастерской работал электрический чайник.

Ян оказался ниже, чем она представляла по голосу. Худой, с тёмными волосами, собранными резинкой на затылке. На правой ладони у него был широкий пластырь.

— Порезались?

— Банку открывал.

Он пропустил её внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.